

Юрий Григ

Римские игры

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Г83

Григ Ю.

Римские игры / Ю. Григ — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 283 с.

ISBN 978-5-532-07768-3

Расследование загадочной смерти безвестного гастарбайтера бросает журналиста-фрилансера Александра Максимова в разные уголки планеты. Вскоре выясняется, что он становится помехой планам могущественного московского олигарха. Главы романа – иногда в серьезной, а временами в ироничной форме – оттеняют столкновение цивилизованного и варварского начал, противостояние свободного и раба в сознании человека. И история гладиатора из Коринфа, феерически переплетающаяся с современностью, свидетельствует, как мало изменились люди с античных времен до прихода в мир Интернета. Содержит нецензурную брань.

*Omnes homines aut liberi sunt, aut servi*¹

Формула римского права

¹ Все люди либо свободные, либо рабы (лат.)

Часть первая

Глава 1. Заколот мечом, не иначе

Ранним августовским утром в глубине скучных жилых массивов на окраине Москвы приключилась одна история. Дело было недалеко от залива, образованного в этом месте рекой....

Середина месяца едва миновала, но природа совершила первую попытку напомнить о непродолжительности здешнего лета – вода была темной, по-осеннему холодной, и изрядно измучена бесчисленными оспинами наскучившего горожанам дождя. По извилистой дорожке, выбегавшей на бугор, за которым открывался вид на акваторию, сосредоточенно давя суесящиеся в лужах дождевые пузыри, шагали три типа.

Внешность всех троих не оставляла сомнений в их социальной принадлежности – бродяги, или, по-простонародному, бомжи, коих частенько безосновательно считают людьми низшей касты, поэтому, недолгобливают, сторонятся – словом, гнушаются всяческого общения с ними. А зря! Среди этих изгоев нередко встречаются весьма интересные и даже симпатичные личности. А благополучным гражданам можно только пожелать чаще вспоминать поговорку про тюрьму и суму.

Но, назад, к нашим занятым персонажам!

Нос старшего мог соперничать с баклажаном не только формой, но и цветом. Глаз второго, помоложе, украшал гигантский бордовый синяк, напоминающий генетически модифицированную сливу. Третий, несмотря на ранний час, был просто пьян. Косвенным свидетельством тому служила туфля на его левой ноге, не имевшая даже отдаленных родственных отношений с кроссовкой на правой.

Решив срезать путь к станции метро, компания двинулась напрямик через рощицу, живописно обрамляющую замысловатую прибрежную линию залива и вскоре вышла к берегу. Беседуя, они

продолжили путь вдоль кромки воды. Легкий туман слоился над поверхностью водоема.

В тот момент, когда мы (привыкшие повсюду совать свой нос) обратили на них внимание, тот, что постарше, рассуждал вслух на неумирающую тему о смысле жизни. И, надо признать, имел на это особое право – в своей прошлой жизни этот человек преподавал философию. Но не подумайте – он не плакался, сожалел о минувшем. Просто-напросто осознал, что люди, в сущности, не в состоянии постигнуть, какие силы возвеличивают их и что приводит к катастрофическим падениям. Плодом раздумий о том, как отстоять место под солнцем, не подвергаясь опасности быть раздавленным безжалостным катком рока, стала довольно забавная, собственноручно состряпанная концепция. Ее главный принцип гласил: не стоит увлекаться прогрессом, по крайней мере, в нынешней его форме. И сегодня этот человек терпеливо втолковывал заложенные в фундамент своего учения идеи собратьям по несчастью, также переживающим в данный момент очередную, по всем признакам, не самую удачную инкарнацию. Хотя, если вдуматься, то называть их несчастными – спорно, поскольку именно в этом противоречии и кроется единство мизерного существования и духовной свободы от условностей бытия.

– Краеугольным камнем моей теории является культ самоограничения равно, как и самоотречение в условиях фактической инфильтрации в окружающую социальную среду в малоконтактной форме, – закончил он очередной малопонятный для неподготовленной аудитории пассаж.

– Ни хрена себе загнул, – отреагировал один из слушателей. – Чё за фильтрация?

– Фигня, – безапелляционно констатировал второй, поковырявшись в ухе ногтем, отороченным траурной каймой.

– Инфильтрация! – терпеливо поправил лектор, – Взаимопроникновение без нарушения структуры материи. Фигурально выражаясь, дрейф одной субстанции в другую.

– Ты че, Федорыч, по-человечески объяснить не можешь?! – слегка взбунтовался первый.

– Ну, – поддакнул второй, мотнув нечесаной головой и демонстративно повинтив по- и против часовой стрелки воображаемый шурупчик у своего виска.

Федорыча это не обескуражило.

– Современные отшельники не обязательно должны удаляться в недоступные скиты, – продолжал он как ни в чем не бывало. – Они вполне могут следовать своему особому жизненному укладу, находясь в гуще событий. Просто взаимодействие с окружением, в таком случае, сводится к минимуму, необходимому для отправления сугубо физиологических потребностей. В остальном же, в смысле психическом, члены подобной ячейки живут как бы в параллельном мире. Да-да, друзья, еще Сенека, наставник императора Нерона, стоик, в своем трактате «О краткости жизни» категорически отвергал стремление к накоплению материальных ценностей.

– Эт че, барахло или чё? – спросил один из слушателей.

– Именно! Как точно подмечено, Синяк. Вся эта шелуха так и называется..., ба-ра-хло!

Федорыч вдруг резко остановился, запустил руку за пазуху и, покопавшись, выудил оттуда плоскую, отливающую тусклым блеском фляжку – наподобие тех, что популярны у рыболовов. Он потряс ею возле уха, выгибая шею, и стал похож на настройщика рояля, прислушивающегося к звучанию камертона. Уловив заветное бульканье, просветлел лицом и, скрутив колпачок, сделал глоток под завистливыми взглядами товарищей.

– *Abusus non tollit usum!* – произнес он, отирая губы рукавом, и, исполнившись жалости, великодушным жестом передал вожакам напиток одному из товарищей. – Злоупотребление не отменяет употребления. Сенека учил нас: бедна и весьма кратка жизнь того, кто с великими усилиями приобретает то, что еще с большими усилиями должен удерживать.

– Федорыч, ты чё книжку не напишешь? – прищурился неповрежденный глаз, заинтересовался тот, кого называли Синяком.

– Интриги, друзья, интриги, – Федорыч грустно вздохнул. – Все норовят украсть идеи, мысли и даже чувства.

Они умолкли. В тишине, кажется, даже слышался скрип их мозгов, занятых усвоением сказанного.

– Ну..., – прервал паузу неуверенным мычанием Синяк, – так э-ж мы и так не особо, эта, пересекаемся.

– В этом и кроется драматический аспект нашего положения. Драма порождает свою антитезу. Я поясню. Несчастье наше в том, что мы не можем вкусить все блага цивилизации. А удача в том, что случись катаклизм, переход в более близкое к..., – Федорыч замялся, но слово подобрал удачное, – ...к естественному, состояние, не будет для нас таким болезненным, как для других. Вероятно, мы просто ничего не заметим.

– Г-гы..., – рассмеялся ни к селу, ни к городу тот, с разнбойной обуюю.

– Есть еще одна очень важная штука, – продолжал Федорыч, – свобода! Свобода никогда не бывает абсолютной. По крайней мере, в социуме.

– Эт чё такое?

– Общество, в котором мы живем, Синяк. Хочешь не хочешь, а приходится считаться с другими его членами.

– Г-гы..., – снова подал голос разнотуфельный.

– По существу, люди, заключая конформистский союз с обществом, лишаются свободы. А власть предрержащие пользуются этим. Рабовладельческий строй не закончился, не-ет... – Федорыч погрозил пальцем невидимому оппоненту. – Он просто изменил форму. И люди добровольно идут в это неорабство в погоне за спокойной и сытой жизнью... Как у хомячков в клетке. И только такие, как мы, совершают робкие шаги на пути к освобождению от оков этой постыдной и губительной для человека зависимости. Чем меньше хочешь от других, тем ты свободнее.

Он начал, было, по преподавательской привычке повышать голос, как вдруг в сумерках зарождающегося дня из туманной пелены, стелющейся над водой, появился здоровенный предмет, напоминающий огромное веретено, упакованное в полиэтиленовую пленку, наспех перехваченную в нескольких местах бечевой. Веретено лишь слегка выдавалось из воды, производя впечатление чего-то массив-

ного. Покачиваясь на волне, оно неторопливо причалило к берегу. С одного конца полиэтилен разошелся, и из разрыва торчал посиневший палец человеческой ноги.

– Приятели застыли в изумлении.

– Утопленник, – без эмоций констатировал Федорыч.

– Мож эт-т, жив еще? Так мы эт-т... искусственное дыхание, – заикаясь, предложил Синяк, но, наткнувшись на уничтожающий взгляд старшего товарища, умолк.

В повисшей тишине они стояли и размышляли, созерцая покачивающиеся на дробной волне бранные останки.

«А вот и подтверждение моим словам! – думал Федорыч, – Жизнь мимолетна! Смотришь на этого несчастного и начинаешь понимать, насколько наши собственные невзгоды ничтожны перед лицом смерти. Ему повезло куда меньше, чем нам. Возможно, недавно этот несчастный радовался жизни и совершенно не рассчитывал обрести покой в таком унижительном виде – упакованным в полиэтиленовую пленку, как кусок сыра на прилавке в магазине».

«Ёшь твою налево – жмурик! – думал Синяк. – Вольтметр ни за что не поверит! Надо будет Деса́ду тоже рассказать. Вот она, блин, свобода!».

А у третьего в мозгу пронеслось следующее: «Не хватает двенадцати... Не-е..., постой. У Федорыча двадцатник, у Синяка три червонца. У меня мелочью семнадцать...»

Полчаса спустя из патрульной машины, остановленной бдительной троицей, на место происшествия нехотя выгреблись двое ментов.

– Ну, орлы помойные, показывайте, чего натворили?! – стряхивая остатки сна, незлобно заорал на притихших бродяг начальник патруля, капитан.

– Так, это ж не мы, камрад милиционер, – ввернул Синяк выскочившее из основательно затянутых паутиной закоулков памяти импортное словечко.

Но капитан оставил без внимания чистосердечное признание. Он понял – жалкий вид этих асоциальных элементов не оставляет ни малейших надежд отличиться, раскрыв по горячим следам мокруху.

Они явно не отвечали требованиям к кандидатам на роль хладнокровных убийц, способных к тому же так цинично избавиться от трупа.

Он сплунул и грубо прервал самодеятельного аргуса:

– Разберемся!

Версия суицида категорически исключалась, поскольку после совершения оного человек вряд ли способен был самостоятельно завернуться в полиэтиленовую пленку, обмотать себя веревкой и в таком, явно стесненном во всех отношениях виде, броситься в воду. Значит, ему кто-то помог. Кто был этим помощником, и предстояло выяснить старшему лейтенанту Павлу Игнаточкину, назначенному руководителем следственной группы, состоявшей за нехваткой штата из одного-единственного сотрудника – его самого.

Старший лейтенант изучал обстоятельства происшествия в своем крошечном, зато отдельном кабинете в доме на улице Петровка, хорошо знакомом всем из телевизора. В тот момент, когда он был полностью поглощен заполнением важных бумаг, которым впоследствии предстояло стать страницами папки под названием «Дело № ...», в дверь постучали, и в комнату вкатился начальник отдела судмедэкспертизы подполковник Шниткин по прозвищу Шнитке – человек средних лет, но далеко не среднего опыта в своем деле.

– Один? – осведомился он вместо приветствия, хотя в кабинете не было ни одного одушевленного предмета кроме самого следователя, если не считать готовящуюся к зимней спячке муху, лениво передвигающуюся по подоконнику в северо-западном направлении. Оседлав жалобно скрипнувший стул и не утруждая себя предисловиями, гость продолжил: – Странное дело с этим вашим убиенным получается, товарищ старший лейтенант.

– А что странного? – удивился в совою очередь Игнаточкин. – Я вашим звонил. Сказали: холодное, проникающее, прямо в сердце, и...

– Проникающее-то проникающим, а это вы видели? – перебил его Шнитке, достал из недр потертого портфеля такую же потрепанную папку.

Внутри оказались снимки – те самые, которые начинающий следователь пока не научился рассматривать без содрогания. Он перевернулся и, не задерживая на них взгляда, промямлил:

– Мне бы, товарищ подполковник, своими словами. А то я не очень-то понимаю в этой вашей разделке туш.

– А своими словами получается вот что, молодой человек... Я таких ножилов никогда не встречал – глубина раны шестьдесят сантиметров, ширина лезвия – шесть-семь.

– Погодите! Как это? Туловище в районе грудной клетки..., тридцать максимум. Ну, если немного под углом.

– А если удар нанести вертикально, сверху вниз?! – Шниткин победно взглянул на собеседника: – Вот посмотрите, у меня тут схемка.

Он достал из папки лист бумаги с какими-то каракулями и углубился в объяснения, как прошло лезвие. А вот по личности убитого данных было негусто.

– Документов при нем не оказалось... Да и какие, к чертям, документы на абсолютно голом теле – даже трусов и тех не оставили! Антропологически, восточный тип... Ребята пробили... по отпечаткам не проходил. И уже вряд ли пройдет, – мрачно пошутил Шнитке. – И еще... Помимо свежих резаных ран, на теле имеются довольно свежие шрамы.

– Выходит – его заваляли кинжалом? – спросил Игнаточкин. – Так что ли?

– Ну, ну..., молодой человек, приучайтесь к человеческому языку, хотя бы в тех случаях, когда дело касается человека. Это же не лось, в самом деле. Да... х-мм... скажите-ка..., а вы когда-нибудь видели кинжал шестидесяти сантиметров в длину и в семь шириной?

– Что же получается? – спросил Игнаточкин.

– Хм... Если бы это были времена... ну, например, Александра Невского, я бы сказал..., – Шнитке выдержал выразительную паузу: – Парень заколот мечом, не иначе!

– Каким еще мечом... что за сказки, в самом деле? – вытаращил глаза Игнаточкин.